

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ | LAW

УДК 34.04

doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.05

5.1.1.

Правовой прогресс: научная дискуссия без оценки признаков развития

Николай Николаевич Мельник¹, Владимир Иванович Шерпаев²,
Ирина Владимировна Сошникова³

¹Ассоциация юристов Российской Федерации, Москва, Россия,
nmelnick1@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7881-4632>

²Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, sherpaev@list.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4905-1655>

³Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия,
i.v.soshnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9463-1812>

Аннотация. В статье актуализируется изучение проблем современного общества, цивилизации права, принципа его верховенства, действующей системы нормативной регуляции. Авторы анализируют представленные в монографии «Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи» (С. И. Архипов) и рецензиях на нее (А. П. Семитко, Е. В. Чернигова и др.) положения о социально-правовом прогрессе человечества, кризисе этой идеи, путях его преодоления, а также о проблемах правового будущего России, направлениях возможного правового развития страны, об отстаивании верховенства права в борьбе против бесправия и рисках обрушения правовых механизмов. Настоящее и будущее права подчеркивают важность научной дискуссии, которая не предполагает замалчивания различных взглядов на те или иные проблемы.

Ключевые слова: доктринальная ценность, институциональные преобразования, кризис, правовой прогресс, правовая культура, правовое будущее, правотворческая функция, формально-правовая конструкция, юридическое образование

Для цитирования: Мельник Н. Н., Шерпаев В. И., Сошникова И. В. Правовой прогресс: научная дискуссия без оценки признаков развития // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 3. С. 46–56. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.05.

Legal Progress: A Scholarly Discussion without Normative Evaluation of Its Development

Nikolai N. Melnick¹, Vladimir I. Sherpaev², Irina V. Soshnikova³

¹Association of Lawyers of Russia, Moscow, Russia, nmelnick1@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7881-4632>

²Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg,
Russia, sherpaev@list.ru, <https://orcid.org/0009-0005-4905-1655>

³Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia,
i.v.soshnikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9463-1812>

Abstract. The article focuses on the analysis of the issues confronting contemporary society, exploring the concept of legal civilization, the principle of legal supremacy, and the intricate workings of the existing regulatory framework. The authors examine the concepts discussed in

the book *Legal Evolution: The Emergence, Evolution, and Crisis of the Concept* by S.I. Arkhipov and the accompanying reviews by A.P. Semitko, E.V. Chernigova, and others. These discussions concentrate on the social and legal advancement of humanity, the crisis of ideas, strategies for overcoming it, the legal future of Russia, potential paths for the country's legal development, the defense of the rule of law in the face of lawlessness, and the risks of legal mechanisms failing. The present and future of legal practice emphasize the significance of scholarly debate, which does not imply disregarding diverse perspectives on a variety of matters.

Keywords: doctrinal value, institutional reforms, crisis, legal progress, legal culture, legal future, legislative function, formal-legal construct, legal education

For citation: Melnick NN, Sherpaev VI, Soshnikova IV. Legal Progress: A Scholarly Discussion without Normative Evaluation of Its Development. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(3):46-56. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-3.05.

Понятие и критерии правового прогресса были всесторонне изучены в XVII–XVIII вв. Гегелем, Монтескьё, Локком, Кантом и другими учеными, их труды детально исследовались советскими и российскими учеными. С. С. Алексеев опирался на учение И. Канта, подчеркивая вывод о том, что правовой прогресс человечества ведет к созданию универсального, всемирного надгосударственного устройства [Алексеев 2010]; с тех пор исследования и научные дискуссии не прекращались. Автор единственной докторской диссертации на эту тему А. П. Семитко продолжил развитие учения в научных статьях о кризисе идеи правового прогресса, об основных концепциях и правовом будущем России [Семитко 1996]. С. И. Архипов посвятил этой теме статьи [Архипов 2020; Архипов 2022] и монографию [Архипов 2025], рецензией на которую стала, например, публикация Е. В. Черниговой «Генезис и кризис идеи правового прогресса» [Чернигова 2025]. А. П. Семитко, в свою очередь, рассмотрел теоретические основания правового прогресса и отметил, что труд С. И. Архипова обладает доктринальной ценностью и развивает проблему правового прогресса в теоретико-правовой дискуссии. Однако в работе А. П. Семитко произошло смешение рецензионной и программной форм текста [Семитко 2025]. В тексте рецензии наблюдается структурное и содержательное слияние положений монографии с личной позицией рецензента, но дискуссионный подход повышает ее аналитический уровень. В названии рецензии А. П. Семитко замечен выход за пределы рецензионного анализа вследствие соотношения проблематики монографии с более широким контекстом правового будущего государства и общества. Рецензент не просто истолковал, но и концептуально дополнил суждения С. И. Архипова, раскрыв сущность их концептуального вывода. Тезис о том, что отсутствие правового прогресса лишает Россию правового, а значит, и другого достойного будущего [Архипов 2025, с. 179], рецензент развернул и содержательно сформулировал следующим образом: «Этот путь состоит... в восходящем движении общества по пути верховенства права, независимости судебной власти, более прочной, надежной и эффективной защиты прав человека, при реальном, разумеется, уважении человеческого достоинства...» [Семитко 2025, с. 95].

Кроме научной оценки монографии, А. П. Семитко рассмотрел общий философско-правовой контекст данной дискуссии. В его понимании правовой прогресс и интерпретации его элементов связаны с правотворчеством, развитием правовой культуры, правосознания, правовой ответственностью и институциональной зрелостью общества. Такой подход соответствует традиции теории права, в которой прогресс понимается как движение от формально-правовых конструкций к более содержательному, культурно и ценностно насыщенному правопорядку. Методологически это позволяет избежать отождествления правового прогресса с накоплением нормативно-правового массива, что противоречило бы теории права и историческому опыту, поскольку постоянный рост числа законов свидетельствует не о правовом прогрессе, а о системных проблемах. Согласно А. П. Семитко, правовой прогресс – это качественное повыше-

ние уровня правового развития общества, а не количественный рост правовых актов [Семитко 2025]. Качество правовой жизни – это обобщенная характеристика того, насколько эффективно, справедливо и безопасно правовая система работает на практике, отражает ли реальную способность закона защитить права и интересы граждан, обеспечивает ли общественный порядок и гарантирует ли верховенство права, что невозможно достичь увеличением количества принятых законов. Поэтому тезис А. П. Семитко имеет принципиальное значение.

Концепция правового прогресса как объективного критерия, а не идеологической схемы, разработана С. С. Алексеевым, развита М. Г. Смирновой [Смирнова 2011] и опирается на идеи И. А. Покровского [Покровский 1917]. Вывод С. И. Архипова о том, что правовое будущее России осмысливается через идею правового прогресса, убедителен, если отказаться от идеологии и понимать это явление не как идеологическую схему, а как объективный критерий качества правового развития. Автор выступает против трактовки прогресса как догматической, «абстрактно-утопической» схемы; такой подход связывает правовую систему с развитием институтов, гарантий прав, культурой и уровнем правовой защищенности личности. Понятие «правовой прогресс» так и остается широким – для обоснованности следует рассмотреть признаки развития фундаментальных принципов верховенства права, позволяющих судить о правовом прогрессе, а именно, о расширении прав и свобод, росте правовой определенности, повышении доверия к правовым институтам, улучшении качества судебной защиты. Без такого уточнения категория «правовой прогресс» становится универсальной и методологически уязвимой. К сожалению, признаки развития этих правовых явлений автором не рассмотрены, их соблюдение на практике не изучено. Любые доктрины и концепции права и юриспруденции в рамках научного изучения законов и правовой системы приобретают реальную ценность при их трансформации в правоприменительную практику. Правовой прогресс оценивается не столько обоснованностью академических теорий, сколько их очевидным влиянием на общество, следовательно, важна методологическая роль эмпирической базы в научно-правовых исследованиях. С. С. Алексеев известен «настороженным или прямо отрицательным отношением к судебным прецедентам, к сведению назначения суда к одной функции строгого и неукоснительного проведения в жизнь “воли законодателя”» [Алексеев 2010, с. 537–538]. В монографии и рецензиях на нее нет ни фактических данных, ни ссылок на правоприменительную практику, на которые можно было бы опираться в подтверждение концепции для выявления закономерностей и формулирования выводов. А. П. Семитко раскрывает идею правового прогресса без ее сопоставления с иными, альтернативными моделями правового развития, концепцией правового прогресса С. И. Архипова, а также с категориями правовой стабильности, институциональной адаптации, правового консерватизма. Хотя рассмотрение последнего не в качестве антитезы правовому развитию, а в роли правового механизма сохранения фундаментальных духовных, культурных и исторических основ правопорядка могло бы значительно усилить аргументацию.

Прослеживается сходство идей С. И. Архипова с идеями его учителя С. С. Алексеева, изложенными в работе «Восхождение к праву» [Алексеев 2011], где главной сферой научно-прикладных исследований и практического использования потенциала права призвана быть, по сути, инженерная разработка юридических конструкций – деятельность, определяющая задачу юристов-теоретиков разных направлений и правоведов-конструкторов, совершенствующих юридическую материю по запросам практики и на перспективу, подобно конструкторской деятельности представителей технических, инженерных областей науки и практики, занимающихся разработкой новейшей материальной техники. Если С. С. Алексеев, прежде всего, имел в виду специально-юридический, инструментальный аспект правовых разработок, то С. И. Архипов пишет о социально-правовом, социально-инженерном аспекте, и эти два аспекта неразрывно связаны друг с другом – один не может существовать без другого. Но такое сравнение допустимо с оговоркой: С. С. Алексеев пишет о том, что право может и должно

«проектироваться», а юридические конструкции, институты, режимы правового регулирования и способы защиты прав могут быть предметом целенаправленного научного моделирования. В этом смысле в суждениях С. С. Алексеева аналогия с инженерией оправдана: в праве присутствуют все стадии проектирования – от выбора оптимальной конструкции, учета функциональности, ориентации на полезный результат до проверки работоспособности (практического применения) решения, – но их сходство состоит не в предмете, а в методе рационального конструирования. Метод юридического конструирования в науке известен как способ создания и систематизации правовых норм на основе строго логического мышления, абстрактных моделей и целеполагания, в противовес историческому или обычному формированию права включает создание устойчивых нормативных схем, призванных сделать законодательство более эффективным, а правоприменение – предсказуемым.

Много написано о методе юридического конструирования, но в большинстве исследований его определение сведено к признанию конструкции идеальной моделью, которая, как подчеркивает А. Ф. Черданцев, «является формой отражения действительности. Юридическая конструкция создается в результате абстракции» [Черданцев 2012, с. 221], служит формой отражения действительности (см.: [Доценко 2020]), существует как система познаваемых образов (понятий, суждений, умозаключений) (см.: [Баранов, Мареев 2000]), при этом она не отождествляется с отдельным понятием.

Как отмечает С. И. Архипов, главное методологическое различие между подходами к проблеме правового прогресса состоит в том, что А. П. Семитко сместил акцент в сторону широкого социокультурного и антропологического анализа (через эволюцию правовой культуры), тогда как С. С. Алексеев совершил прорыв именно на уровне «догмы права», разработав инструментальный подход. Их различие можно представить так: А. П. Семитко определяет правовой прогресс по глубине укоренения юридических ценностей в сознании и культуре, а С. С. Алексеев дает теории права инструмент, доказывая, что правовой прогресс выражается в переходе от примитивных приказов государства к тонким, автономным юридическим конструкциям – институтам частного права, судебным искам и правовым гарантиям. Среди специально-юридических свойств права он выделяет конкретные свойства, совершенствование которых означает правовой прогресс, а именно, формальную определенность, общую обязательность, системность и институциональность, и к которым он относит наличие развитых процедур, процессуальных форм и механизмов защиты прав (см.: [Архипов 2019]).

Аналогия юридических и технических конструкций ограничена тем, что право – это не точная наука, а инженерия опирается на более строгие и воспроизводимые закономерности, поэтому прямое уподобление будет условным. В инженерии можно точно рассчитать свойства материала, нагрузку и устойчивость конструкции, тогда как в праве результат зависит от поведения людей, социальных конфликтов, уровня доверия к институтам государства, политического контекста, правоприменительной культуры, ценностных установок общества. Поэтому юридическое конструирование не дает точно такой же предсказуемости результата, как инженерный расчет, но аналогия сохраняет смысл, оставаясь продуктивным инструментом познания.

Итак, право конструируется, поскольку нормы, институты, процедуры, юридические режимы и т. п. не возникают сами по себе, а проектируются в правовых доктринах (концепциях), практикой, законодателями и судами. Процесс конструирования права законодателем подробно изучен и представляет собой юридико-организационную процедуру создания норм права, состоящую из формирования концептуального содержания будущей нормы и ее формализации в официальную юридическую форму [Машуков 2025]. Процесс конструирования права судами (судебное правотворчество) представляет собой адаптацию существующих норм к их практическому применению в ходе отправления правосудия. В странах континентальной правовой семьи, в том числе в России, доктрина отрицает судебное правотворчество, утверждая, что суд только применяет закон, созданный законодателем, однако фактически суды конструируют

право. Если закон сформулирован очень абстрактно, высшие судебные инстанции в своих актах наполняют термины конкретным содержанием, а нижестоящие суды обязаны следовать этим разъяснениям, что фактически создает новую правовую норму.

Конституционный Суд РФ на протяжении длительного времени формировал правовую основу для единообразия судебной практики, позиция эволюционировала от общих деклараций к конкретным запретам и предписаниям, но системный подход проявился в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П. В нем Суд масштабно развил принципы поддержания доверия граждан к закону, действиям государства и правовой определенности и фактически легализовал акты высших судов как источники права, при этом затронув основы функционирования судебной системы и создав доктринальную основу для последующих решений. Из данного правового акта следовало, что противоречивая судебная практика недопустима, поскольку подрывает веру в справедливость правосудия. Затем последовал запрет на пересмотр дел на основании определений судебных коллегий, закрепленный в Постановлении № 24-П от 17 октября 2017 г. «По делу о проверке конституционности пункта 5 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. А. Абрамова, В. А. Ветлугаева и других». Основанием для отмены судебных решений нижестоящих судов стало изменение практики применения правовой нормы Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ. Граждане, чьи дела были пересмотрены, обратились в Конституционный Суд с жалобой, указав, что возможность отмены вступившего в законную силу судебного акта на основании определения судебной коллегии ВС РФ, вынесенного по другому делу, нарушает принцип правовой определенности. Но Конституционный Суд РФ встал на сторону заявителей, сформулировав принципиальную позицию и признав пункт 5 части 4 статьи 392 ГПК РФ не противоречащим Конституции РФ, и дал конституционно-правовое толкование, имеющее нормативный характер. Ключевые выводы Суда известны и на сегодняшний день.

21 мая 2026 года Пленум Верховного Суда РФ одобрил пакет поправок в процессуальные законы, радикально меняющих особый статус разъяснений высших судебных инстанций для реализации принципа правовой определенности. Предусмотрено внесение изменений в Гражданский процессуальный кодекс, Арбитражный процессуальный кодекс, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде РФ». Проект федерального конституционного закона «О внесении изменений в статью 5 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации”» о наделении Пленума ВС РФ полномочиями по заслушиванию докладов председателей судов об учете разъяснений и правовых позиций был зарегистрирован 23 мая 2026 года¹. По сути, это переход от декларации к прямым правовым последствиям. Хотя указанные выше акты не закрепляют руководящий характер разъяснений Пленума Верховного Суда, аналогичная норма содержится в пункте 3 части 3 статьи 310 КАС РФ, и законопроект распространяет ее действие на гражданский и арбитражный процессы. Законопроект разработан во исполнение поручения Президента РФ, данного им на Совещании судей 19 февраля 2026 года, в котором было отмечено, что формирование единообразной судебной практики возможно только при неукоснительном исполнении судьями решений Пленума Верховного Суда.

Хотя Президиум Верховного Суда не выполнял функцию системообразующего органа, согласно данным статистики с 2019-го по 2025 год им было рассмотрено четыре экономических спора и три гражданских дела в порядке надзора. Так, 29 апреля 2026 года Президиум рассмотрел первый за четыре года экономический спор в порядке

¹ Законопроект № 1241629-8 «О внесении изменений в статью 5 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации” (об обеспечении единообразия судебной практики)» // Система обеспечения законодательной деятельности : официальный сайт. 2026. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1241629-8> (дата обращения: 18.05.2026).

надзора². Однако формирование единообразных подходов постоянно осуществлялось экономической и гражданской судебными коллегиями Верховного Суда, чьи определения публиковались и включались в обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом, но при этом они не обладали той же прецедентной силой. Председатель Верховного Суда И. В. Краснов постановлениям Пленума Верховного Суда придает статус стратегического инструмента обеспечения правовой определенности и единства судебной системы – правовая позиция заключается в том, что толкование правовых норм должно быть не просто рекомендацией, а руководством к безоговорочному исполнению.

Суды формируют устойчивые положения, которые становятся обязательными для нижестоящих судебных инстанций, быстрее реагируют на проблемы, чем законодатель принимает или уточняет закон, но при этом усматривается нарушение принципа разделения властей, поскольку судьи не избираются народом и не вправе присваивать себе функции законодателя, хотя правотворчество и признается вторичной функцией суда. Суд не может отказать лицу в правосудии, ссылаясь на отсутствие или неясность необходимого правового решения вследствие пробела в законе. При этом обратная сила судебного прецедента является одним из парадоксов судебного правотворчества, который порождает конфликт фундаментальных принципов права – справедливости (разрешить конкретный спор здесь и сейчас) и правовой определенности как права лица знать заранее правила рассмотрения спора. Правовая неопределенность же в таких случаях не усматривается, поскольку обратная сила судебного прецедента возникает, когда правило уже создано в момент разрешения случившегося спора. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28 ноября 2017 г. № 34-П сформулировал фундаментальное правило о том, что правовые позиции Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ, ухудшающие положение налогоплательщиков, не имеют обратной силы³. Близкий по смыслу подход отражен в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П, в редакции статьи 392 ГПК РФ и аналогичных статьях АПК РФ и КАС РФ. Таким образом, процесс конструирования права судами допустим – юридическая техника реальна, хотя включает такие элементы, как юридические конструкции, дефиниции, презумпции, фикции, а специфика права обуславливает высокую степень неопределенности результата и его зависимость от социального контекста – поведения человека, ценностей общества и институтов государства, т. е. динамических переменных, отличающихся высокой степенью неопределенности.

А. П. Семитко критикует концепцию С. И. Архипова, которая нуждается в более точном разграничении специально-юридического и социально-правового уровней анализа, в более определенном переводе абстрактных теоретических понятий правового прогресса в измеримые эмпирические показатели, в преобразовании догматических определений в набор конкретных действий, признаков или критериев для практического анализа, социологических исследований и правоприменения. Критика носит уточняющий характер и, не отвергая исходный тезис монографии, указывает на необходимость его дальнейшего концептуального и методологического развития, что придает рецензии А. П. Семитко характер научной дискуссии, а не полемического отрицания.

В «Кризисе идеи правового прогресса» С. И. Архипов объясняет, почему традиционные линейные теории правового прогресса, сформулированные Кантом и Гегелем, утратили актуальность в XX веке [Архипов 2020]. Для возвращения правотворческой функции юристам он предлагает институциональные преобразования – прямое участие

² Карточка дела № А40-283450/2024. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a27ab32e-cca3-4afc-ae1c-002691874324> (дата обращения: 26.05.2026).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. № 34-П по делу о проверке конституционности п. 8 ст. 75, подп. 3 п. 1 ст. 111 и подп. 23 п. 2 ст. 149 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества «Флот Новороссийского морского торгового порта» // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283712/ (дата обращения: 18.05.2026).

основных правовых школ и наиболее авторитетных юристов в процессе правотворчества без изменения порядка формирования законодательного органа в форме внешнего участия либо путем вхождения юристов в состав законодательного органа в форме внутреннего участия [Архипов 2020]. Однако автор не учел, что ведущие правовые школы и авторитетные юристы давно принимают активное участие в законотворчестве Государственной Думы РФ, в формате регулярных парламентских слушаний дают экспертные заключения на законопроекты, а также задействованы в работе тридцати трех профильных комитетов. На встрече с ректорами вузов спикер Государственной Думы В. В. Володин, говоря об участии экспертов из высшей школы в экспертно-аналитической работе по законопроектной деятельности Государственной Думы и в работе по оценке регулирующего воздействия, заявил, что речь идет о помощи в экспертизе законопроектов, которые внесены в Государственную Думу как Правительством, так и депутатами, а также законопроектов, которые находятся на стадии разработки⁴. При профильных комитетах постоянно действуют экспертные советы, в которые входят ученые МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, УрГЮУ, ИЗИС при Правительстве РФ. На заседания палат и парламентские слушания приглашаются ректоры вузов, академики РАН и доктора юридических наук для подготовки научных заключений. Но вхождение ведущих ученых в корпус законодательного органа (внутреннее участие) на постоянной основе невозможно, так как в состав Государственной Думы входят только депутаты.

В сфере юридического образования С. И. Архипов предлагает институциональное преобразование, согласно которому юридическая наука и образование должны сосредоточиться на изучении внутренних закономерностей развития правовой среды, причин глобального кризиса западной цивилизации и путей его преодоления [Архипов 2020]. Автор ссылается на российских ученых, утверждающих, что Запад переживает глубокий цивилизационный кризис [Попов 2017], на необходимость изучения причин глобального кризиса западной цивилизации и путей его преодоления, не учитывая, что по объектам и целям их предмет относится к общественным и гуманитарным наукам. Междисциплинарную проблему изучают социология, философия (социальная философия и философия истории) и культурология, а экономика, история, политология и геополитика со своих позиций анализируют кризис институтов власти, международных отношений, трансформацию мирового порядка и кризис глобализации, тогда как наука права данные аспекты не исследует.

Элементы кризиса различны, в сфере экономики ВВП «Большой семерки» снизился по паритету покупательной способности до уровня менее 30 % мирового, средний класс «опустошается», растет разрыв между богатыми и бедными [Машин 2026]. В сфере политики наблюдается кризис лидерства (падение уровня поддержки), кризис доверия к институтам, проблемы представительности (Германия), «двойной кризис» во Франции, раскол между США и Европейским союзом [Лебедев, Новик, Суслов 2026]. Аналогичные явления фиксируются и в других сферах, однако выявленные негативные факторы носят локальный характер и не влекут прекращения или системного нарушения деятельности. Рост мировой экономики в 2025–2026 годах прогнозируется на уровне 3,3 %, а вероятность мирового финансового кризиса в 2026 году оценивается как низкая, хотя глобальная экономика находится в состоянии замедления роста и структурной трансформации [ООН прогнозирует замедление ... 2026]. Прогнозы роста для США варьируются от 2,0 до 2,7 %, отражая устойчивость экономики на фоне гибкой бюджетно-налоговой политики и развития IT-инфраструктуры [Макроэкономический прогноз ... 2025]. Если под «кризисом» понимать долгосрочное ослабление влияния Запада, эрозию либеральных ценностей и рост политической нестабильности, то такие процессы действительно происходят и активно обсуждаются, хотя единого мнения в

⁴ Встреча Председателя Государственной Думы Вячеслава Володина с ректорами ведущих московских высших учебных заведений // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. 12.05.2016. URL: <http://duma.gov.ru/multimedia/photo/8937/> (дата обращения: 18.05.2026).

научной среде нет. Запад остается экономически и технологически мощным блоком, но его доминирование уменьшается, а внутренние противоречия углубляются. Исследования носят междисциплинарный характер и называются глобалистикой (цивилизационный анализ); в них нет правовых аспектов, как нет и влияния цивилизационного кризиса Запада на правовой прогресс в России.

С. И. Архипов ошибочно видит необходимость и в преобразовании системы международного права, прежде всего в формировании нового проекта международно-правового союза, который учитывал бы интересы всех участников международных отношений, а не только имеющих экономическое и военное преимущество. Но система международного права базируется на договорах и обычаях, создаваемых путем согласования воли и интересов государств с их последующим структурированием в отрасли, подотрасли и институты [Абашидзе, Кислицына 2011].

Соблюдение интересов государства при заключении и ратификации международных договоров – процесс обеспечения суверенитета, безопасности и экономической выгоды посредством применения правовых механизмов, контроля на всех этапах переговоров и закрепления обязательств в национальном законодательстве. Обеспечение национальных интересов достигается на всех этапах прохождения юридической процедуры, где проекты договоров проходят правовую, финансовую и концептуальную оценки в профильных ведомствах перед подписанием. Этому же способствует обязательная процедура ратификации договора федеральным законом и применение института оговорок, согласно которому государство вправе сделать официальное заявление (оговорку) для исключения или изменения юридического действия определенных норм договора в свою пользу.

Механизмы защиты национальных интересов закреплены в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации», контроль за их соответствием Конституции России осуществляет Конституционный Суд РФ. По инициативе Российской Федерации вносились изменения в международные договоры по стандартной дипломатической процедуре путем подписания протоколов. Согласно Конституции РФ и внесенным в ГПК, УПК, АПК и КАС РФ изменениям, применение правил международных договоров Российской Федерации не допускается, если их истолкование или применение противоречит положениям Конституции Российской Федерации, имеющей на территории Российской Федерации высшую юридическую силу и безусловное верховенство. В части 4 статьи 15 Конституции закреплено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры с участием России являются составной частью ее правовой системы, но если международным договором установлены иные, чем предусмотренные законом правила, то применяются правила международного договора. Положения международного права имеют преимущественную силу в случае расхождения с национальным правом, но в силу статьи 79 Конституции РФ решения межгосударственных органов, принятые на основании международных договоров, не подлежат исполнению, если противоречат Конституции. Конституционный Суд РФ наделен исключительным правом проверять международные договоры и решения международных судов. В случае признания положений международного договора Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, такие положения не подлежат введению в действие и применению, а Российская Федерация принимает необходимые меры для исключения их применения в правовой системе в целях обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации.

Предложение автора о новом проекте международно-правового союза, который бы учитывал интересы всех участников международных отношений, ошибочно и не обосновано ссылками на документы Организации Объединенных Наций (ООН). Полномочия органов ООН по созданию обязательных нормативных актов рассмотрены в статьях по международному праву и в монографии Института государства и права РАН в главе, посвященной международному праву вооруженных конфликтов [Военное право 2022, с. 44–45]. Разберем данные полномочия в отношении международного права

в целом. ООН как субъект международного права участвует в международных отношениях независимо от государств – членов ООН. Бюллетень Генерального секретаря ООН не является источником международного права – это внутренний административный документ по формированию и толкованию норм международного права. Решения Совета Безопасности ООН признаются актами международных организаций, относятся к вспомогательным (производным) источникам международного права; полномочия детально и четко изложены в Главах VI–VIII и XII Устава, но на практике возникают разногласия по толкованию его отдельных положений о границах вмешательства во внутренние дела государств, по применению Главы VII и т. п., относящиеся к правовой интерпретации его решений. В тексте Временных правил процедуры Совета Безопасности от 17 января 1947 г. (в редакции от 21 декабря 1982 г.) полномочий по принятию обязательных нормативных решений не предусмотрено [Временные правила процедуры ... 1983], это процедурные правила. Согласно статье 25 Главы V Устава члены ООН соглашаются подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их, но Совет Безопасности принимает обязательные резолюции нормативного характера, если они содержат правила для неоднократного применения (например, резолюции о санкциях против государства, о прекращении огня, миротворческих операциях), однако механизм обеспечения их выполнения зависит от политического консенсуса. Любая из пяти стран – постоянных членов Совета Безопасности ООН вправе заблокировать принятие резолюции посредством вето на стадии голосования, независимо от ее соответствия нормам международного права. Е. Б. Ганюшкина пишет, что после 70 лет работы ООН «до конца не прояснила вопрос о том, что представляют собой резолюции Совета Безопасности, принятые в соответствии с главой VII» [Ганюшкина 2016, с. 169], их нормативный характер остается предметом дискуссии. Поэтому ни система международного права, ни органы ООН не влияют на правовой прогресс.

Список источников

- Абашидзе А. Х., Кислицына Н. Ф. Система международного права // Московский журнал международного права. 2011. № 3 (83). С. 3–16. EDN TWBFIT.
- Алексеев С. С. Восхождение к праву: поиски и решения. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2002. 601 с.
- Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи (2000) // Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. М. : Статут, 2010. Т. 5. С. 295–548.
- Архипов С. И. Идея правового прогресса в трудах С. С. Алексеева // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 6. С. 5–10. EDN TIASGX.
- Архипов С. И. Кризис идеи правового прогресса // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 3. С. 15–25. DOI 10.34076/2219-6838-2020-3-15-25. EDN WCGOAZ.
- Архипов С. И. Правовое будущее России. Часть 1. Обзор основных позиций // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 2. С. 5–21. DOI 10.34076/22196838_2022_2_5. EDN NZZRCT.
- Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. 272 с.
- Баранов В. М., Мареев Ю. Л. Юридические конструкции: сценарий компьютерного урока // Проблемы юридической техники : сб. ст. / науч. ред. В. М. Баранов. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2000. С. 725–736.
- Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. Т. 3 : Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М. : Центр правовых коммуникаций, 2022. 712 с.
- Временные правила процедуры Совета Безопасности ООН. S/96/Rev.7. Нью-Йорк : ООН, 1983. URL: <https://docs.un.org/ru/S/96/Rev.7> (дата обращения: 18.05.2026).

- Ганюшкина Е. Б. Подводя итоги 70 лет работы Организации Объединенных Наций: разногласия по вопросу о том, имеет ли Совет Безопасности ООН законодательные полномочия // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11, № 3. С. 169–190. DOI 10.17323/1996-7845-2016-03-169. EDN WTOLWL.
- Доценко Т. А. Сущность юридических конструкций // Проблемы юридической техники : сб. ст. / науч. ред. В. М. Баранов. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2000. С. 316–322.
- Лебедев С. В., Новик Н. Н., Суслов Д. В. Политика США в отношении Европы при второй администрации Дональда Трампа // Актуальные проблемы Европы. 2026. № 1 (129). С. 185–206. DOI 10.31249/ape/2026.01.10.
- Макроэкономический прогноз 2026–2028 // Евразийский банк развития. 2025. Декабрь. URL: <https://eabr.org/analytics/ceg-quarterly-reviews/macroeconomic-outlook-2026-2028-june/> (дата обращения: 26.05.2026).
- Машин В. Европа переживает серьезный цивилизационный кризис // NEO: Новое восточное обозрение. 26.05.2025. URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/05/26/evropa-perezhivaet-serезnyj-civilizaciiionnyj-krizis/> (дата обращения: 26.05.2026).
- Машуков Р. А. Конструирование нормы права: теоретический аспект // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2025. № 2. С. 275–283. DOI 10.55959/MSU0130-0113-11-66-2-17.
- ООН прогнозирует замедление темпов роста мировой экономики в 2026 году // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. 19.05.2026. URL: <https://news.un.org/ru/story/2026/05/1467935> (дата обращения: 24.05.2026).
- Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Петроград : Право, 1917. 328 с.
- Попов В. В. Кризис западной цивилизации углубляется // МГИМО : официальный сайт. 17.07.2017. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/krizis-zapadnoy-tsivilizatsii-uglublyatsya/> (дата обращения: 12.05.2026).
- Семитко А. П. Правовое будущее России как правовой прогресс. Рец. на кн.: Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 272 с. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2026. № 2. С. 94–105. DOI 10.34076/22196838_2026_2_94. EDN WKFUXS.
- Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: проблемы теории и методологии : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Семитко Алексей Павлович ; Уральская гос. юрид. акад. Екатеринбург, 1996. 288 с.
- Смирнова М. Г. Социальные притязания и правовой прогресс // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2011. № 4 (13). С. 40–47. EDN PMJFPD.
- Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. 319 с.
- Чернигова Е. В. Генезис и кризис идеи правового прогресса. Рецензия на монографию С. И. Архипова «Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи» // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13, № 3. С. 233–240. EDN IWXORR.

Информация об авторах

Николай Николаевич Мельник, Ассоциация юристов Российской Федерации (Москва, Россия), эксперт в области военного права США и стран Европы, PhD (США).

Владимир Иванович Шерпаев, д-р полит. наук, канд. филос. наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Ирина Владимировна Сошникова, канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры публичного права Уральского государственного экономического университета, Почетный работник науки и высшего образования Российской Федерации, ветеран Министерства науки и высшего образования РФ (Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Nikolai N. Melnick, Association of Lawyers of Russia (Moscow, Russia), Expert in international law, military law of the USA, China and European countries, PhD in Law (USA).

Vladimir I. Sherpaev, Dr. Sci. (Political Science), Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Professor at the Department of State and Law Theory named after S. S. Alekseyev, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Irina V. Soshnikova, Cand. Sci. (Sociology), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Public Law Department, Ural State University of Economics, the Honorary Worker of Science and Higher Education of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 03.07.2026.

Одобрена после рецензирования | Revised 20.07.2026.

Принята к публикации | Accepted 20.07.2026.